

МАРИЯ ШУМСКАЯ

ТАЙНА УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

Мария Шумская

Тайна Уильяма Блейка

<https://litres.ru/74094756>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фелпхэм — тихая деревушка в Западном Суссексе, рай для туристов и приют великого безумца Уильяма Блейка. Именно здесь поэт-мистик когда-то беседовал с ангелами, и, если верить слухам, спрятал свою самую скандальную работу — кощунственную карикатуру, за которой вот уже двести лет охотятся коллекционеры. Но пока никто не находил её. До сегодняшнего утра.

Когда детектив Эндрю Харбор прибывает на вызов, он ожидает увидеть всё что угодно — кроме тела, расположенного в саду Блейка с пугающей геометрической точностью. Преступление выглядит мрачной инсценировкой знаменитой акварели Блейка. Чтобы понять убийцу, Харбору придётся погрузиться в мир, где живопись важнее улики, а строчки Блейка — опаснее признаний.

Харбору предстоит ответить на вопросы, которые не вписываются ни в один полицейский протокол: Кого и на что вдохновляет искусство? Что страшнее — найти картину или навсегда потерять её? Как поймать преступника, который не оставляет следов, словно явился из видений самого Блейка?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Шумская

Тайна Уильяма Блейка

Глава 1

Детектив-суперинтендант Эндрю Харбор никогда не считал себя человеком, способным оценить поэзию. Он мог отличить хороший виски от плохого, знал, что в сыском деле важнее интуиция, чем процедура, и с отвращением относился к тем, кто паркуется на местах для инвалидов. Большого он не мог бы о себе сказать, даже если бы его речам внимала самая забористая незнакомка. Но когда его машина, петляя по узким улочкам Западного Суссекса, вынырнула наконец на набережную Фелпхэма, он на секунду задержал дыхание и понял, почему поэтами становятся другие люди.

Море было серо-стальным, как что? В голове мелькнуло профессиональное сравнение: «Хорошо начищенный револьвер». Ладно, пусть хотя бы так. Небо висело низко, выглядело влажным и тяжелым, будто мокрая простыня, застиранная до полнейшей серости. Променад лениво тянулся вдоль берега, уставленного разноцветными пляжными домиками. Они смотрелись так же уютно, как ряд игрушечных солдатиков? Мда, вот как на природе остро ощущается профессиональная деформация!

Харбор вышел из машины и глубоко вдохнул солёный воздух. В нём, вопреки ожиданиям, не пахло ничем подозрительным. Принюхался. Ага, водоросли, песок, что-то варено-сладкое и сдобное из близлежащего кафе. Прислушался. Крики чаек, шум прибоя, что-то джазовое из окна машины на углу. Деревенская идиллия! Как на зло, улики сами не высказывали из-за темного угла. «Ну что ж, работаем!» - подумал он и вышел из служебного «фольксвагена» в неприятную прохладу осени.

Деревня, по всем статистическим отчётам, была одной из самых безопасных в графстве: сорок шесть преступлений на тысячу жителей, что на двадцать три процента ниже среднего по Западному Суссексу. Если бы не одно «но», Харбор с удовольствием купил бы здесь кирпичный домик, завёл пса по кличке Йорик и сажал бы георгины. Но пока земля Фелпхэма подбрасывала не цветы, а трупы. Если ему до пенсии - рукой подать, то рука эта была бледной и холодной. Жаловаться не на что - сам выбрал не работу, а сюжет для детектива. Только, в отличие от книжных персонажей, Эндрю Харбор чаще видел тупики, чем фееричные победы логики, чутья и правосудия. Богатый послужной список уже научил его смиренно принимать отказы CPS (Королевской прокурорской службы) как норму. Эти ребята даром хлеб не ели: если подозреваемый мог избежать наказания, они просто не давали делу хода и не обременяли суд заведомыми «cold case». Эффективно? Да. Иначе бы система не работала

в условиях вечных перегрузок. Но справедливо ли? Харбор был из тех, кто все еще искал ответ на этот обличающий себя вопрос. Поэтому он здесь: если преступление требовало отщепенства, было самым неудобным и скандальным происшествием года (а то и десятилетия), вызывали Эндрю Харбора. Из любой точки Западного Суссекса. Если убийца все-таки мог скрываться от правосудия, то следовательно - нет. В этом было преимущество злодеев Соединенного Королевства над его порядочными гражданами.

«Что на этот раз?» - спросил Харбор и получил расклад. Тело мужчины средних лет нашли в саду коттеджа Уильяма Блейка. Да, того самого Блейка, который сочинял «Иерусалим» и видел ангелов на каждом дереве. Сад был крошечным, заросшим, но ухоженным, ведь местные жители трепетно оберегали всё, что связано с их знаменитым поэтом-мистиком. Их «трепет» можно было объяснить на языке финансов: каждый год жилище Блейка привлекало тысячи туристов, в том числе богатых иностранцев, которые выбрасывали деньги, не считая. Говорят, именно здесь Блейк написал свою знаменитую строчку: «Прочь, к милому Фелпхэму, ибо там небеса». Судя по виду покойника, эту метафору жители решили воплотить буквально.

Харбор перешагнул через ограду полицейских лент и наклонился над телом. Белый мужчина сорока девяти лет, небритый, одет в дешёвую куртку и поношенные джинсы. Лицо было в синяках, будто его угостили кулаком, причём

не один раз. Но самое странное обстоятельство заключалось в том, что на руках и ногах убитого зияли глубокие колотые раны, расположенные с пугающей симметрией. Раны Христа. Стигматы, если угодно. Никаких следов борьбы, кроме этих самых побоев. Выглядело дело так, словно жертва лежала смирно и позволяла делать с собой всё, что угодно. Или была без сознания. Или (Харбор поморщился от мысли) знала своего убийцу и доверяла ему до последнего мгновения.

Осенний сад Уильяма Блейка в то утро был похож на акварель, написанную бледными, приглушёнными тонами: сырая трава стелилась серо-зелёным ковром, с веток старых яблонь свисали прозрачные капли тумана, а воздух, пропитанный запахом мокрой листвы и соли с Ла-Манша, казался таким плотным, что любой звук тонул в нём, не долетая до соседних домов. В центре этого серебристо-серого мира, на влажной, но почему-то нетронутой земле (ни следа, ни отпечатка, будто убийца ступал по воздуху), лежало тело Джона Шэдбоулта: руки раскинуты в стороны, ноги вытянуты, а на запястьях и лодыжках зияли глубокие колотые раны, расположенные с пугающей симметрией, словно неведомый мастер воспроизвёл на живом теле геометрию креста, так любимую Блейком; лицо покойника было избито до неузнаваемости, но само выражение его казалось почти умиротворённым, будто он принял свою участь без борьбы, а рядом на камне белела свежая меловая надпись «Iesus Nazarenus, Rex Iudaeorum» с нарисованной чашей. Эта мрачная инстал-

ляция, на фоне туманного сада и шёпота моря за оградой, смотрелась как дьявольская пародия на библейскую сцену, оставляя детективу лишь один ясный вывод: убийца либо безумен, либо досконально знает историю этого места и его поэта-мистика. Вывод один: придется привлекать сторонних специалистов и ждать, пока все эти символы-послания расшифруют знающие люди. Час от часу не легче. Вроде бы с убийства начинали, а заканчиваем жертвоприношением в деревне? Только этого еще не хватало! Начальство терпеть не может инцидентов, на которые слетаются, как мухи, журналисты самых «аховых» изданий. О расследовании в спокойном темпе можно попросту забыть.

— Доброе утро, сэр. — К нему подошёл сержант Кроули, молодой, с глазами навывкате, который явно переволновался от ответственности, выпавшей на его долю. — Мы уже опечатали территорию. Соседи видели, что мистер Шэдболт вышел из дома около семи утра и направился в сторону сада. Сказал кому-то, что хочет «подышать блейковским воздухом». Это его слова.

— Он был местным?

— Да, сэр. Безработный. Жил в пристройке к дому брата, там, на Лейн-роуд. Жил один, не женат, детей нет, подружки, судя по опросу, тоже. Родители умерли. Брат, Джек Спайт, владеет основным домом. У них, скажем так, непростые отношения.

Харбор понимающе хмыкнул. Непростые отношения в се-

мье — как дождь в Англии, этим никого не удивишь. Рановато для первых выводов, но и отметить самое очевидное не стоит. В реальном сыске чаще виноваты не садовник и дворецкий, а друзья или родня погибшего. Жениться в этом смысле куда опаснее, чем нанимать дворецкого.

Он присел на корточки и осторожно приподнял полу куртки покойного. Из внутреннего кармана выпал клочок бумаги. На нём, выведенным чётким, почти каллиграфическим почерком, было написано четверостишие:

Коль ты незрелым мигом овладел, Раскаянье да будет твой удел. А если ты упустишь миг крылатый, Ты не уймёшь во веки слёз утраты.

— Поэзия, — констатировал сержант Кроули. — Это же стихи.

— Как вы проникательны, Кроули. — Харбор сунул записку в прозрачный пакет. — Вопрос: это убийца его наградила, или наш друг Шэдбоулт носил её с собой как талисман?

— Может, он сам писал? Блейк же здесь жил, многие помещаны на его специфической поэзии.

— Возможно. — Харбор поднялся. — Но стихи по содержанию — о грехе и раскаянии. И наша жертва, если я правильно понимаю, была не из тех, кто часто кается. Вижу, вы уже составили портрет: безработный, с вредными привычками и долгами, но без образования и перспектив. Я бы поставил на то, что это послание от убийцы. Или от человека, который хотел его к чему-то подтолкнуть. — Он огляделся. — Кста-

ти, где садовые следы? Земля влажная, вчера был дождь. А вокруг тела я не вижу ни одного отпечатка, кроме наших полицейских башмаков.

Кроули растерянно перевёл взгляд. Действительно, сырая грядка была девственно чиста, будто убийца парил в воздухе. Или (Харбор внутренне усмехнулся) явился на облаке, как визитеры Блейка. Еще со школы он помнил, что к этому безумному художнику и пророку явилось даже привидение блохи. То-то душу отвели, пока смеялись! Но теперь ему не до веселья. Если дело принимает фантазийный оборот, круг версий и подозреваемых становится намного шире: мотивы могут быть самыми нелепыми и сложно поддающимися объяснению. Как итог - убийство завернут еще на полпути к суду и спустят в недра вечного забвения. Архив. Психологический и социальный портрет жертвы не оставляет сомнений: никто не будет добиваться правды и трясти полицию. Родственники, даже если они не при чем, только рады этой странной смерти.

Харбор отошёл в сторону, давая бригаде экспертов возможность закончить работу. Из коттеджа, который теперь служил музеем, на него смотрел портрет Блейка: пронзительный взгляд, седая грива, чуть безумная улыбка. Поэт, художник, мистик. «Даже если ты один все видел, ничего, конечно, не расскажешь» - с тоской подумал детектив. Остается лишь надеяться, что судмедэксперты что-нибудь наруют, потому что в этой деревенской пасторали нет ни камер

наблюдения, ни ночных охранников, ни стоп! Собаки есть.

— Соседей опросили? Лай был?

— Никак нет.

— «Нет» - это «не опросили» или «лая не было»?

— Никто ничего не слышал.

— Я понял, NH

— Простите?

— No Human Involved («ни один человек не замешан»).

Профессиональный жаргон. Сынок, ты сколько работаешь в полиции?

— Третий год, сэр!

— И сколько было преступлений за три года?

— Всего?

— Шесть. Или семь.

— Ясно.

— Такого не было, конечно.

— Спасибо, Кроули, без вас я б ни за что не догадался!

«И чего срываюсь на мальчишку? Он старается и делает, что может. Надо как-то сдержаннее быть, ей богу, не до самолюбия сейчас. Все люди заняты, как одноногий на конкурсе по пинкам под зад. Никто не даст мне дополнительную помощь. Придется работать с теми, кто имеется в наличии. Отбросов нет, есть резервы» - сказал себе Харбор и постарался сбавить тон, видя расстроенного и растерянного подчиненного.

— То есть эти злющие овчарки, охраняющие сад без при-

взяи, не подняли тревогу? И не напали на таинственных гостей? Это говорит о том, что? — Харбор вопросительно покосился на помощника.

— Убийца - кто-то из местных жителей?

— Лучше. Кто-то, кто часто посещает сад безумного художника, умершего в позапрошлом веке. Таких людей, я думаю, немного, а, Кроули?

— Да, сэр.

— Вот с них мы и начнем. Составь список.

Итак, убийца явно питает иррациональный интерес к таинственной фигуре Блейка. Нельзя не заметить, что убийство совершено с выраженным религиозным подтекстом. Раны Христа, выразительная поза покойного, образующая крест, стихи Блейка о раскаянии и, конечно, место преступления, где, если верить мифам и путеводителю, творец встречался с представителями высших (или низших) сил. «Либо этот парень хорошо нас дурит, устраивая квесты в духе Дэна Брауна, либо он и вправду чокнутый» - раздумывал детектив, стараясь игнорировать пульсацию в висках - последствие бессонной ночи.

Не стоит увлекаться чертовщиной. Есть и другие версии, более приземленные и ясные, что говорит в их пользу. В реальности люди проще, чем то, что они возомнили о себе. Вот, например, статистика, которую он проглядывал по дороге, упоминала, что в марте и апреле этого года Фелпхэм побил все рекорды по наркопреступлениям в Западном Суссексе.

Деревня была тихой, да, но не безгрешной. Убитый мог быть связан с наркотрафиком, с какими-нибудь местными дельцами вроде Генри Дила. Детектив уже навел справки в местном отделении полиции. Дил держал ночной клуб в Богнор-Риджис и имел репутацию человека, решающего вопросы кардинально и криминально. Убитый, как известно, человек зависимый. У него есть небольшая, но судимость. Допустим, Шэдбоулт задолжал или же кинул воротилу, чем не повод поквитаться? Но при чём здесь стигматы? Неужели Дил религиозен? Или так культурно просвещен? Да нет, вряд ли

Харбор нажал на переносицу, чтобы отвлечься от спазмов, распирающих его седую голову. Да, дело предстояло далеко не из простых. Он пробыл здесь совсем немного, но уже почувствовал мистическую власть этого места над своими чувствами. При всей своей открыточной романтике заросших вереском окраин деревня представляла собой мрачное и неприветливое место, где тайны жили дольше их владельцев, а шкафы трещали от обилия костей.

Местные жители - какое впечатление они произвели? Поселок - далеко не бедный, люди солидные, степенные, приветливые, но скрытные и настороженные. Мало кто хочет вмешиваться в страшную историю. Никто, судя по первым сведениям, не симпатизировал покойному и не горел желанием искать его убийцу. По характеру преступления даже самым боязливым было ясно, что на серию расправу не натянешь. Явно единичный случай с целью что-то доказать и

обратить внимание. Кого? На что? Зачем? Это и предстоит выяснить.

Что ещё бросилось в глаза? Каждый житель поглядывал на приезжего детектива так, будто тот мог украсть их садовые ножницы или, что ещё хуже, поставить под сомнение славную репутацию Фелпхэма, рая для туристов и респектабельного места для спокойной жизни. Люди косились неприязненно и не спешили «облегчать работу следствия» (или собственную совесть). Все, как в старых анекдотах: никто ничего не видел, никто ничего не знает, а труп? Что «труп»? Его уже убрали!

Но все-таки один из местных обитателей не мог сказать, что не имеет отношения к случившемуся.

— Кто сообщил о теле? — спросил детектив.

— Миссис Прэтт, местная почтальонша. Она заметила, что калитка сада приоткрыта, а в кустах что-то белеет. Заглянула и — ой. Вызвала нас.

— Миссис Прэтт — женщина наблюдательная?

— Говорят, она знает всё о каждом жителе. Даже то, что они съели накануне.

— Тогда она наш первый свидетель. — Харбор улыбнулся.

Но его планы были нарушены самым бесцеремонным образом. На его глазах двое полицейских грубо выпроваживали с места преступления шумного и суетного джентельмена, одетого с иголочки, но как-то нарочито, напоказ, чтобы сра-

зу было видно: «Глядите в оба! Вот он я!». Цветной, по моде, галстучек, яркий кардиган, изрытый оспинами дорогого бренда, чтобы никто не мог сказать, что обладатель выживает на одну зарплату. Джинсы и рубашка тоже были выдающимися и прекрасно сочетались с обувью, сшитой из кожи на заказ. Для англичанина - набор «кричащий» и выбор не типичный. Так одеваются на светское мероприятие, а не в музей. Поведение тоже было не типичным, выбитым из колеи условности: мужчина бурно жестикулировал руками, громко качал права, оборачивался и все время спотыкался, явно не желая оставлять свои позиции. Все это привлекло внимание детектива.

— А это у нас кто?

— Да вот не знаю — Кроули замялся — шляется тут по музею, задаёт какие-то вопросы и уже неделю как цепляется ко всем. То ли он искусствовед, то ли коллекционер-любитель, всякий раз по-разному представляется. Как видно, он - очередной охотник за блейковскими артефактами, но связей не имеет, поэтому набрасывается на жителей с расспросами и рассуждениями об искусстве. Ничего, уедет через месяц. Не один такой.

— А что он ищет?

— Очередная байка, даже совестно рассказывать.

— Ну-ну? Я весь внимание, Кроули, пораруйте меня местным фольклором.

— Я что? Не специалист и толком не умею объяснить.

— Попробуйте, иначе в скором времени придется стать специалистом.

Кроули нервно сглотнул, а Харбор в очередной раз пожалел, что «пережал» парня.

— Говорят, что Блейка этого никто при жизни не ценил. Даже друзья и спонсоры думали, что его творения ничего не стоят, и поддерживали просто потому, что пожалели нищего, но образованного человека. Поэтому после смерти Блейка его работы не хранились должным образом, никто их не скупал и не собирал. Многие из них, как утверждают знатоки, потеряны и ждут своего часа. Сейчас же они стоят миллионы евро. Естественно, их ищут. Поскольку лондонские адреса художника не сохранились в первоизданном виде, там ничего найти не удастся. А наш музей - единственное место, где Блейк мог бы без особых затруднений спрятать свои неизвестные творения и сохранить их «до лучших времен». Вот такие вот легенды ходят, так что к нам порой являются искатели сокровищ с целью поживиться чем-нибудь. Как вы понимаете, безрезультатно. Двести лет, еще бы! Даже если были тут картины, давно уж сгинули.

— То есть никому из этих авантажных скаутов не везло?

— Насколько я знаю, нет. Деревня маленькая и, поверьте, не так уж просто скрыть здесь миллионы евро.

— Вы плохо знаете провинцию.

— Я вырос здесь.

— Ну что ж, тем лучше. Будете ассистировать мне при

допросе этого субъекта. Искусство, как вы понимаете, не мой конек.

— И не мой.

— Но вы-то знаете намного больше, как мы уже выяснили. Вот и потолкуем. Одна голова - хорошо, а две - больше.

Подмигнув и возомнив, что выход из неловкого положения найден, детектив обратился к полицейскому.

— Любезный! А пока пригласите-ка ко мне того человека, который поднимает такой неуместный шум. У нас тут место преступления, а не паб в субботу.

Но незнакомца не так уж и просто было сбить с толку. Он охотно подошел и взял инициативу в свои руки.

— Мистер Дарквуд, эксперт по атрибуции, к вашим услугам!

— Детектив Харбор. Простите, эксперт по?

— Атрибуции. Я проверяю произведения искусства на подлинность.

— Видите ли, мистер Дарквуд, у нас идет расследование преступления, и здесь нельзя

— Я знаю! Я поэтому пришел! А эти — он жестом указал на сконфуженных полицейских — меня не пускают! Представляете, какая наглость!

— Не имею представления и вот почему: они, вот эти, выполняют свою работу. Поляна с трупом, знаете, не место для прогулок. И непонятно, что вы здесь

— Вот я и говорю! Я здесь очень нужен!

— Зачем? Если вы опять картины ищете, то

— Я знаю, кто убийц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.